

КОЛИИВЩИНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье поднимаются вопросы исторической памяти и определяются места памяти еврейского, польского и украинского народов, связанные с событиями Колиивщины – гайдамацкого восстания на Правобережной Украине в 1768 г. Рассматривается, какое отражение получили эти события в произведениях литературы, молитвах, преданиях, исторических думах и песнях. Автор делает вывод о различиях между тремя народами не только в восприятии событий, но и в местах памяти, а также основных действующих лицах. Многие предания имеют историческую ценность, так как подтверждаются источниками.

Ключевые слова: историческая память, места памяти, Колиивщина, гайдамаки, предания, исторические думы

В 2018 г. исполнилось 250 лет со времени восстания гайдамаков на Правобережной Украине, вошедшего в историю как Колиивщина. Актуальность обращения к этому событию обусловлена не только юбилейной датой. Колиивщина сыграла ключевую роль в глобальных изменениях на геополитической карте Центрально-Восточной Европы. Разделы Речи Посполитой, ликвидация Запорожской Сечи и упразднение Украинского гетманства – только некоторые из них. События Колиивщины весьма актуальны и с точки зрения современной ситуации, в частности сложности религиозной жизни на Украине и проблем с ее государственным строительством.

Восстание гайдамаков, направленное против властей Речи Посполитой, отличалось необыкновенным ожесточением и проходило под лозунгами защиты православной веры и присоединения к Российской империи. В исторической памяти всех трех народов, вовлеченных в Колиивщину – украинского, польского и еврейского, события эти нашли яркое и совершенно противоположное отражение. И каждый из народов создал свои места памяти этого гайдамацкого восстания.

Учитывая то, что, несмотря на пророссийский характер восстания, Екатерина II помогла Речи Посполитой расправиться с гайдамаками, эта тема была «неудобной» для историографии Российской империи. Только в последней четверти XIX в. появился ряд работ, и был издан комплекс источников по Колиивщине. При этом одни авторы крайне негативно оценивали действия гайдамаков¹, другие наоборот – очень позитивно². В дореволюционной историографии так и не удалось использовать весь изданный комплекс документов и затронуть ряд важ-

¹ Мордовцев 1884; Скальковский 1885.

² Антонович 1876; Шульгин 1890.

нейших аспектов Колиивщины: геополитический и историю памяти. Советские историки тоже не жаловали гайдамаков из-за их ярко выраженной религиозной направленности, а свои исследования сводили к представлению Колиивщины как классового противостояния (в частности – старшины и рядового казачества)³. В польской советской историографии крупнейшую работу по Колиивщине написал В. Серчик, но и он был ограничен цензурными рамками⁴. В современной Украине тема гайдамаков также не нашла широкого отражения – из-за опасения затрагивать сложные вопросы еврейской резни и отношений с поляками. Примером здесь может служить недавняя «политкорректная» статья О.О. Ковалевской⁵. Современные западные историки специальных исследований по Колиивщине не делали, а лишь затрагивали ее в своих работах⁶. Таким образом, имеющаяся, хотя и достаточно обширная историография по Колиивщине носит очень отрывочный характер, а специальных работ по истории памяти до сих пор не было написано.

Мы постараемся реконструировать историческую память на материалах XVIII–XIX вв., дающих наиболее целостное и полное представление о данном предмете. Мы используем религиозные тексты; устные источники: предания, исторические песни; литературные произведения. Все они в разной степени отражают историческую память народа о прошедших событиях.

Еврейская традиция

В еврейской исторической памяти Колиивщина занимает особое место. Убийство гайдамаками евреев принято считать второй по масштабу после еврейских погромов эпохи Б. Хмельницкого.

Особый колорит исторической памяти евреев передает история с правнуком основателя хасидов (Израиля Баала Шем Това) рабби Цадиком Нахманом. Он верил, что по ряду причин много евреев, погибших в Умани в 1768 г., не смогли пойти на небо. Поэтому остаток жизни рабби провел в Умани, в доме, который выходил на еврейское кладбище. Впоследствии Нахман сам был там похоронен. Его могила стала местом паломничества хасидов⁷. В советское время паломничество было запрещено, но с 1989 г. оно возобновилось. Теперь празднование еврейского Нового года ежегодно становится большим испытанием для Умани, куда приезжают десятки тысяч хасидов. Умань является особым местом памяти для евреев в контексте Колиивщины и помимо истории с хасидами. Причем именно с «уманской резней» связа-

³ Голобуцкий 1961; Дядиченко 1954.

⁴ Serczyk 1968.

⁵ Ковалевська 2016.

⁶ Skinner 2009; Plokhy 2015.

⁷ Osherowitsch 1948. P. 172.

ны все сохранившиеся еврейские предания и молитвы о местах памяти, в то время как евреев (и поляков) убивали далеко не только в Умани, но и во многих других городах и селах Правобережной Украины.

В память о резне в Умани у иудеев была установлена особая молитва, которую читали ежегодно в уманских синагогах в пятый день месяца таммуз: в тот день гайдамаки напали на Умань (YIVO). В память тех страшных событий были составлены многие *киноты* – плачи, и в одном из них (на идиш), под названием «Плач на бедствия украинские», описывались несчастья того периода:

Отче небесный! Как мог Ты взирать,
Чтобы евреи украинские претерпели такие бедствия?..
Да предстанут пред Тобой злодеяния гайдамаков,
Владыка мира!
Помоги всем, кто за нас заступился, – аминь!⁸

При этом ряд еврейских молитв и коротких нарративов, как на иврите, так и на идише, отражающих историческую память о Колиивщине, появились через десятилетия после этих событий. Примечательно, что уже в еврейской литературе XVIII в. нашло отражение представление, что событие Колиивщины – всего лишь одна из серии чудовищных атак на евреев, происходивших на Украине. Еврейских литературных памятников именно о Колиивщине сохранилось немного. А те, которые имеются, часто носят а-исторический характер. То, что мы могли бы назвать «светской» историей, было ничтожно в масштабах еврейских ценностей, и память, как правило, была сконфигурирована с учетом более важных проблем, таких как покаяние и благочестие⁹.

Крупнейший специалист по истории памяти Й. Йерушалми отмечает, что все события массовых убийств евреев на Украине в период восстания Б. Хмельницкого и Колиивщины приравняются в еврейских источниках к аналогичным событиям предшествующих периодов. В частности, к погромам после первого крестового похода. Таким образом, опять происходит «преобладание литургического и ритуального элементов над историческим исследованием». Йерушалми констатирует, что *Слихоты* (тексты и молитвы, побуждающие к раскаянию), сочиненные в память о казацких погромах, не удержались в стандартных молитвенниках. Например, в память о 1648 г. читался только средневековый *слихот*. Таким образом, в еврейской памяти наблюдается тенденция подогнать недавнюю катастрофу под шаблон всех предшествующих трагедий. Как говорил рабби Хаим Геллер, автор знаменитой книги «Сефер Амицвот», основанной на одноименном кодексе Маймо-

⁸ Кандель 2014. С. 166.

⁹ Bernfeld 1926.

нида, «лишения пятисотлетней давности вполне достаточны также и для описания современных событий, ибо «все это одно и то же»¹⁰.

Несмотря на огромную роль Колиивщины в еврейской исторической памяти, специальных исследований этого вопроса практически не предпринималось. Только в начале XX в. Шимон Дубнов написал отдельную статью. Он назвал Умань «второй украинской катастрофой», используя термин *khurbn* (катастрофа), содержащий огромное теолого-историческое значение, потому что именно этим словом евреи характеризуют разрушение храма в Иерусалиме в 70 г. н.э. Причем под «первой катастрофой» Дубнов подразумевал восстание Б. Хмельницкого, в котором, по его мнению, погибла треть еврейского населения Украины. Третьей катастрофой историк считал события гражданской войны в России начала XX века¹¹. Мы опять-таки видим доминирование в еврейской исторической памяти апелляции к древнейшим событиям и параллелям с ними.

Те немногие предания, которые сохранились в еврейской исторической памяти о конкретных событиях Колиивщины, носят весьма неожиданный характер. Так, сохранилось предание о группе евреев, которая грабила местечки во времена Колиивщины, благочестиво исполняя все требования шабата и убивая помещиков в воскресенье. Хасидское предание тоже далеко от мученического характера большинства молитв и *слихот*. В нем рассказывается, как гайдамаки приехали в какое-то местечко, евреи которого молились в синагоге. Рабби Аарон Великий сел у входа в синагогу и спросил гайдамака: «Почему волнуются народы и племена замышляют тщетное?» (начала псалма). Гайдамак от этих слов обезумел, начал избивать своих, а остальные гайдамаки убежали¹².

Другое предание, сохранившееся в источнике за 1769 г., носит характер нравоучения. Там говорится о благочестивом ученом из Жаботина, который перед Колиивщиной напомнил, что после Хмельницкого все евреи Украины и Литвы дали клятву под страхом отлучения не селиться на Украине. По его мнению, все имущество евреев, нарушивших эту клятву, является «заклятым». Поэтому он сказал «если вы послушаетесь меня и, убегая, не возьмете с собой своих достатков, то спасетесь от угрожающего вам несчастья. А кто пожалеет свое имущество, тот погибнет». Так и случилось¹³. В этом предании можно увидеть попытку объяснить происшедшее и дать нравоучение на будущее.

¹⁰ Йерушалми 2004. С. 55-56.

¹¹ Dubnow 1929.

¹² Кандель 2014. С. 168.

¹³ Кандель 2002. С. 186.

Польская историческая память

Для польской традиции Умань тоже стала главным и практически единственным местом памяти, связанным с Колиивщиной. Точно так же, как в еврейской исторической памяти, гайдамацкое восстание для поляков – это прежде всего страшная трагедия, символ мученических страданий. Ни причины событий, ни обстоятельства, которые предшествовали восстанию (Барская конфедерация, с удивительной жестокостью расправлялась с украинским населением, не желавшим принять унию), ни сами эпизоды противостояния гайдамакам – не нашли отражения в польской исторической памяти. Только насилие, гибель и чудесные случаи спасения шляхты. Практически единственным местом памяти для поляков остается Умань.

Основу польской исторической памяти о Колиивщине заложили «воспоминания» участников событий, написанные много десятилетий спустя и носящие зачастую фантастический характер. Самые известные – воспоминания детей убитого губернатора Умани Младановича Вероники Кребс¹⁴ и Павла Младановича¹⁵, ставшего базилианским монахом. Но первая составляла записки через 59 (!) лет после событий, а второй в момент Колиивщины был семилетним ребенком. Столь же недостоверны и «воспоминания», а на самом деле, политический памфлет, написанный в 30-е годы XIX в. неизвестным автором (ошибочно вошедший в историю как воспоминания Липпомана¹⁶).

Именно эти три недостоверных, но популярных источника служили основой большинства польских литературных произведений XIX в. на тему Колиивщины. Традиция написания поэтических произведений на тему гайдамаков возникла у поляков еще в конце XVIII в. Тут можно вспомнить поэму, написанную в 1770-х гг. бывшим учеником уманской школы, отпущенным гайдамаками¹⁷. Польская романтическая литература, в отличие от украинской или русской, уделяла огромное внимание теме гайдамаков и служит для нас главным источником польской исторической памяти. Мы не ставим перед собой задачу рассмотреть все существующие польские произведения на тему Колиивщины, но стремимся выделить основные тенденции, обозначить главные места памяти и то, как историческая память об этом событии формировалась под влиянием реалий польской политической жизни.

Интересно, что несмотря на общую тенденцию изображать гайдамаков исключительно черными красками, историческая память поляков

¹⁴ Krebs 1840.

¹⁵ Mładanowicz 1905.

¹⁶ Bunt hajdamaków...1854. То, что Липпоман не был автором этого произведения доказал еще И. Франко. См.: Франко 1904. С. 28-29.

¹⁷ Франко 1904.

делает исключение для Ивана Гонты – главного действующего лица «уманской резни». Но так как Гонта был сотником надворной хоругви и в некотором смысле почти «свой» для польской шляхты, во многих польских произведениях он выступает скорее положительным героем или, по крайней мере, заслуживающим сочувствие.

Историческую память о Гонте можно проследить со времен записок Дукана Охоцкого, который передает оригинальное предание, относящееся к моменту казни гайдамака: «Пленника сторожил по ночам один из товарищей панцырной хоругви. После прочтения приговора, накануне казни товарищ этот, подозревавший, что Гонта припрятал кое-что из добычи, обратился к нему с следующей речью: пан полковник! Завтра все земное будет кончено для вас; не найдете ли возможным оставить что-либо на память небогатому воину, который проводит с вами последние минуты? – Охотно, отвечал Гонта. Напомните мне завтра, я вам подарю пояс. Товарищ всю ночь мечтал о богатом поясе из златоглава и на другой день, лишь только Гонту вывели из темниц, обратился к нему: пан полковник! Позвольте вам напомнить обещанный пояс! – Я не забыл, ответил Гонта с презрительной улыбкой, – первая полоса кожи, которую снимут с меня, пусть служит вам поясом!»¹⁸

Характер фэнтези на тему Гонты носила пользовавшаяся популярностью пьеса Яна Каминского «Елена, или гайдамаки на Украине», которая имела успех в польском театре во Львове в 1819–1820 гг. На самом деле это был переработанный вариант Кернера «Ядвига». Любовная интрига, место действия которой из Италии было перенесено на Украину. Главным романтическим героем пьесы был Гонта.

В поэме Александра Кароля Грозы «Смечинский, повесть шляхетско-украинская» панского сына спасает жена Гонты. Гроза приводил в примечании факт, что его мать и дядя были спасены мельником¹⁹.

Но обычно в польской исторической памяти, в мемуарах и романтической литературе, все гайдамаки были исчадьем ада. Например, в поэме «Гайдамаки» С. Яшовского, написанной в 1825 г.²⁰, единственный хороший гайдамак оказывается польским шляхтичем, сыном убитого казаками мечника. Как метко отметил исследователь польской литературы В. Щурат, сюжет этой поэмы с таким же успехом «мог бы быть привязан и к истории американских индейцев»²¹.

Польская историческая память о Колиивщине формировалась на фоне возникшей в XIX в. моды на историческую литературу. Потеря государственности, подготовка, а затем провал Ноябрьского восстания

¹⁸ Pamiętniki 1857.

¹⁹ Groza 1860.

²⁰ Jaszowski 1826.

²¹ Щурат 1910. С. 91.

1830–1831 гг. приводят к переосмыслению исторического прошлого. У многих поляков появляется идея привлечь на свою сторону украинского крестьянства (вспомним знаменитый лозунг восстания «За нашу и вашу свободу!»). В этом смысле Колиивщина в исторической памяти превращается в символ «братского» конфликта, который необходимо преодолеть для благополучия обоих народов.

В атмосфере подготовки восстания 1830–1831 гг. появляется, по замечанию современников, «идеалистичный мираж Витвицкого» – «Слуга и пан»²², где тоже речь шла о чудесном спасении от гайдамаков. А. Мицкевич так высказался об этом произведении, что Витвицкий приказал уничтожить тираж, что, впрочем, удалось не вполне.

С целью несколько оправдать гайдамаков, формируется миф о «личной мести» как причине выступления отдельных «славных» гайдамаков. Именно идея личной мести проходит красной нитью в знаменитой эпической поэме Северина Гощинского «Каневский замок», опиравшейся на устные мемуарные рассказы про то, что автор назвал «уманской резней»²³. Вымышленный герой поэмы – некий казак Небаба присоединяется к отряду гайдамака Швачки (историческое лицо), который осаждал Канев. Месть Небабы обращена на коменданта замка, который обманом женился на его невесте²⁴. В пожаре, охватившем замок, героиня погибает, предварительно убив своего мужа. Подоспевшие польские войска берут Небабу в плен и сажают его на кол среди развалин замка. Автор придает ему черты байроновского героя – бунтовщика, совесть которого отягощена старыми злодеяниями. Главное – вывод Гощинского: хотя поляки и пострадали в Умани, этот опыт нужно использовать для примирения с украинцами и создания единой платформы для освобождения обоих народов от царского гнета.

Это послание стало идеологической основой «Уманской громады» (Gromada Humań) польской революционной группы, созданной в эмиграции после поражения восстания 1831 г. Члены группы рассматривали использование названия «Умань» как путь для примирения с народом Украины, народом греческой веры, чтобы «в страшных воспоминаниях мы могли вычеркнуть взаимные страдания, чтобы этим именем мы могли смыть взаимную ненависть и откинуть кровавые воспоминания... Но не будем обвинять людей. Они несчастные, они жертвы невежества, инструменты интриг; орудия собственной и чужой боли. Ибо не только тот, кто умирает, но и тот, кто убивает, достоин жалости. Умань служит уроком и для польского, и для украинского народов»²⁵.

²² Witwicki 1824.

²³ Goszczyński 1828.

²⁴ Прослеживается прямая параллель с повестью Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» – Каневскому замку соответствует крепость Дубно, где находилась прекрасная полячка.

²⁵ Магочий 2012. С. 288.

Разумеется, попытка найти в истории общего врага (в данном случае – Екатерина) и мечта о союзе с украинским крестьянством оказали серьезное влияние на польскую историческую память о Колиивщине. Отсюда появление целого ряда польских произведений с попыткой «понять» если не оправдать гайдамаков.

В 1832 г. во Львове вышла поэма Михала Сухоровского «Ванда Потоцкая, или укрытие в лесах около Софиивки»²⁶. Сухоровский ссылался на живых свидетелей событий. На самом деле его произведение было отражением ложного предания о нападении гайдамаков на Львов. Если в предисловии автор давал традиционную для польской памяти резко отрицательную характеристику гайдамакам, как убийцам и разбойникам, то в самом тексте имелся совсем другой смысл. В сцене, когда к отряду восставших присоединяются «новички-гайдамаки», они рассказывают свои истории об обидах, нанесенных панам. Звучит исключительно социальный протест, который объединяет людей разных национальностей: «Виват наша старая дружба, поляк, русин – одна вера!». У Сухоровского к гайдамакам пристают мазуры, краковяне, поляки. Вместе они поют песни Т. Падуры²⁷, казацкие думы и т.д.

Поэма Александра Грозы «Первая епитимья Железняка»²⁸ писалась на воспоминаниях Кербс и Липпомана. Он также утверждал, что 90-летний пасечник с Вержбовского хутора рассказывал ему про отца Максима Железняка, который якобы был ковалем и жил над Днепром на самом пограничье. По обвинению в поддержке гайдамаков его несправедливо приговорили к сожжению рук, а жену к вырыванию языка и пытке клещами. Максим бежал на Запорожье и поклялся мстить. Главный отрицательный герой для Грозы – ворон, как символ религиозного фанатизма. Здесь прослеживается характерная для поляков, живших на Украине, идея поиска компромисса с украинцами. Он ужасается гайдамацким движением, но объясняет участие в нем отдельных личностей происшедшей с ними несправедливостью.

Историческая память о Колиивщине, как урок шляхте и необходимость образумиться, прослеживается в ряде польских произведений. Луциан Ипполит Симинский, опубликовавший в 1835 г. поэму «Деревня Сербь»²⁹, вкладывал в уста Гонты слова о грядущей каре на ляхов, т.е. пытался страхом грядущей новой Колиивщины образумить польскую шляхту. Симинский принадлежал к «союзу 21», львовской тайной организации, имевшей целью демократизировать польское общество³⁰.

²⁶ Suchorowski 1832.

²⁷ Тимон Падура – украинский поэт, писавший в псевдо-казацком стиле, тесно сотрудничал с организаторами Ноябрьского восстания.

²⁸ Groza 1843.

²⁹ Siemieński 1835. P. 17-18.

³⁰ Щупат 1910, С. 99.

Идеи польско-украинского союза, но совершенно на фантастическом сюжете³¹ излагал Михал Чайковский, написавший в 1838 г. произведение «Вернихора»³². В поэме Вернихору, как известного в среде малороссийского казачества, засылает на Правобережье для организации восстания против поляков Екатерина II. Но Вернигора поддержал Барскую конфедерацию, русские власти назначили награду за его голову, он укрывается в Корсуни, староста которой ему покровительствовал, и вскоре умирает своей смертью. В поэме Чайковского в полной мере нашла отражение легенда о «золотой грамоте» Екатерины II – как попытка перенести на русскую императрицу ответственность за восстание. «Золотая грамота» – очень распространенный в польской исторической памяти о Колиивщине мотив, сохраняющийся даже в современной историографии³³.

Украина

Наконец, мы подошли к украинской исторической памяти. Следует сказать, что существует только одно литературное произведение, ставшее отражением украинского восприятия событий Колиивщины – это знаменитая поэма Т.Г. Шевченко «Гайдамаки». Тем не менее, благодаря выдающейся популярности Шевченко, она имела огромное влияние на формирование исторической памяти населения Украины (и оказывает до сих пор). С другой стороны, сохранились многочисленные предания и несколько исторических песен. Хуже дело обстоит с думами, в большинстве своем утерянными, но иногда сохранившимися в форме прозаических рассказов, со стихотворными отрывками³⁴.

Историческая память о Колиивщине сохранилась исключительно на Правобережной Украине. По крайней мере, таковых рефлексий на Левобережной Украине не зафиксировано. Представления и общий тон о гайдамаках значительно различаются в зависимости от региона: если речь идет о черкасско-чигиринском уездах или каменско-уманском, т.е. о регионе, где зарождалось восстание, или о тех регионах, где восставшие были казнены по указу польских властей.

В целом, в украинской традиции места памяти Колиивщины связаны вовсе не с Уманью, но прежде всего с Мотронинским монастырем, Сербам, а также с Черкассами, Каневым. А в пантеоне героев имеется целый пьедестал, в котором первое место занимают Железняк и Гонта, далее идут Швачка, Шелест. В исторической памяти Украины настоящие *колії* – это запорожцы («идет войско, такое настоящее вой-

³¹ Хотя Чайковский утверждал, что Вернигору знал его дед, владевший Пархомовкой, в которой тот умер.

³² Czajkowski 1838.

³³ Konopczyński 1986. P. 190–191; Kamiński 2006. P. 257.

³⁴ Записки... 1856. С. 69–170.

ско»³⁵). Другим гайдамакам народная традиция отказывает в героизме, именуя их «затяжцами», т.е. присоединившимися с целью пограбить.

Следует отметить, что, несмотря на официальное осуждение гайдамаков в Российской империи, уже во второй половине XIX в. начинается публикация собранных и записанных преданий о гайдамаках, тональность которых явно не соответствовала официальной. Предания собирали как «любители старины» (например, писатель П. Кулиш, киевский губернатор И.И. Фундуклей), так и профессиональные историки (А. Лазаревский, В. Ястребов, В. Антонович). На страницах популярного журнала «Киевская старина» издавали и рассказы собственных родственников. В основном предания и исторические песни были записаны в 1820–1840-е гг., когда еще были живы отдельные очевидцы событий или их дети и внуки. Разумеется, в этих рассказах было много фантастического, а образы гайдамаков приобрели четкие черты, характерные для всей исторической памяти региона.

Безусловными и любимыми героями выступают Максим Желязняк и Иван Гонта³⁶. Сохранилось даже изображение Желязняка в образе казака Мамая, в традиционной позе, с бандурой³⁷. Вот как описывает украинское предание Желязняка: «Впереди едет атаман на буланом коне, в красном жупане... Это был сам Максим Желязняк; нестарый был еще человек, лет может быть сорока, а может быть больше, полный, круглолицый, хорош собою, небольшого росту, но плечист, усы русые, небольшие, за ухом оселедец...». Традиция подчеркивает уважительное отношение к Желязняку реестровых казаков: те «сняли перед ним шапки, он также подошел к ним, снял шапку, да тотчас и надел, а они все перед ним без шапок стояли. Здравствуйте, говорит, козачество! – Здорово, отомане, батько!»³⁸. В исторической песне «Максим козак Залізняк» говорится:

Отак Максим Залізняк
Із панами бився,
І за те він слави
Гарной залучився³⁹.

В песне «Ой наварили ляхи пива» про И. Гонту звучит угроза полякам: придет Гонта – даст вам знать («Дастся він вам знати») и звучит им укор: «Гей, взяли собі Україну,/ Та й не шанували»⁴⁰.

³⁵ Матеріали... С. 313.

³⁶ Например, песня «Виїхав Гонта та із Умані», в которой тот зовет к себе Желязняка. С. 517.

³⁷ Коллекция Флейшера. Максим Желязняк, 1858 г. Хранится в Российском государственном этнографическом музее Санкт-Петербурга.

³⁸ Матеріали... 1888. С. 313.

³⁹ Історичні пісні 1961. С. 514-515.

Сохранился цикл «плачей» на гибель Гонты, написанный в традиционном стиле о «турецком плене»⁴¹. Народные предания, собранные на месте его казни в Сербях (довольно поздно, в 1871 г.), описывают, что Гонта во время чудовищных пыток читал акафист. Как справедливо писал А. Лазаревский «Если и теперь уцелело подобное предание, то ясно, что в народной памяти Гонта остался не в виде разбойника, а в совершенно другой обстановке: представление человека, умирающего с твердостью и читающего акафист во время мучительнейших смертных истязаний – вызывает в народе совсем не то чувство, какое имеют к разбойнику»⁴². Заметим, что это предание записано в регионе, в котором никогда не было гайдамацких восстаний.

Напротив, в «гайдамацких» районах Правобережной Украины к жителям Сербов было резко отрицательное отношение. Они не могли им простить гибель Гонты. Одно предание говорит, что по дороге в Одессу в селах не принимали на ночлег, если узнавали, что проезжий из Сербов: «так вы с тех Сербов, говорят, где нашего батька (или дядька) казнили. Идите себе! Так и не пустят. А мы что виноваты, что в Сербях Гонту казнили?»⁴³.

Одним из важнейших мест памяти Колиивщины в украинской традиции выступает Мотронинский монастырь, послушником которого был Железняк, а настоятелем Мельхиседек-Яворский, знаменитый борец с унией. Одно из преданий так и называется «Мотронинский монастырь», в нем говорится: «Как собрались гайдамаки в Мотронинском лесу, то сделали себе Сечь. Выбрали такое место, что с трех сторон байраки, а с четвертого поставили башню»⁴⁴. Правда дальнейшие описания «гуляний» запорожцев на кургане под Жаботиным говорит о том, что в народной памяти слились предания о запорожцах и гайдамаках⁴⁵.

В другом предании (якобы рассказанном «нашим покойным Гладким»), говорится, что гайдамаков пришло из Запорожской Сечи в Мотронинский монастырь «сперва только три, будто бы на поклонение». Один из них, Демьян Гнида, пошел в Лебединский монастырь,

⁴⁰ Ibid. 514-516.

⁴¹ «Ой задумали ляхи та преслані хлопці», «Ой Максиме Залізняцький». С. 518-519.

⁴² Лазаревский 1901. С. 6.

⁴³ Лазаревский 1901. С. 7.

⁴⁴ Материалы...1888.; Записки...1856. С. 279-283.

⁴⁵ Говоря о переплетении в исторической памяти гайдамаков с запорожцами, можно вспомнить слова внуки жены гайдамака (крестьянки д. Красновершки, Елизаветградского уезда Херсонской губернии). На вопрос, кто такие гайдамаки, она отвечала: «та так: кому надопекла панщина, та жинка, та диты, то вони втикали тудя на Сичь, жили собі на воли, пили та гуляли». Знаменитую казацкую думу про гибель запорожца Авраменко от турок, она трактовала как борьбу гайдамака «з тими поганими ляхами». Журин 1886. С. 759-760.

другой, по прозвищу Лускониг, пошел в Мошенский монастырь, а третий, Шелест, остался здесь в Мотронинском монастыре послушником⁴⁶.

Историческая память про Мотронинский монастырь тесно связана с преданиями о его архимандрите, Мелхиседеке (Михаиле Значко-Яворском). Народная традиция считает Мелхиседека агитатором и непосредственным организатором восстания (что сильно расходится с принятым в историографии мнением). В одном из преданий, записанном в селе Коротяка, говорится, что архимандрит навещал запорожские зимовники в районе р. Ингулец, агитировал против Польши и унии. «Между жителями зимовника он заметил особенные способности в Максиме Желязняке, давал советы отцу и вероятно указывал сыну гетманскую булаву по обоим берегам Днепра и, как чародей, вызывал из могилы великую тень Богдана. Возбужденное воображение Максима, хорошо грамотного пушкаря, поддавалось обаянию, и другие седоусые и черноусые казаки, обитатели зимовников, слушали соблазнительные речи красноречивого энтузиаста, бескорыстного монаха, говорившего близким их сердцу языком»⁴⁷. В предании «Золотая грамота» говорится, что ее автором был сам Мелхиседек, который вручил ее Желязняку, когда тот приехал в Мотронинский монастырь на богомолье⁴⁸. Мотив о подстрекательстве к восстанию со стороны «чернцев», т.е. монахов, звучит и в других преданиях⁴⁹. В исторической песне тоже напрямую говорится о бунте «попов и дяков»⁵⁰.

В отношении Колиивщины историческая память использует и любимый сюжет украинских преданий – клады. Гайдамаки в народной памяти настоящие герои, а следовательно – невероятно богаты. Тут и предание о том, что Желязник отдал своему слуге «пояс с червонцами», когда понял, что погибнет⁵¹. И рассказы жителей Сербов, как их родители кормили помещенных в ямах гайдамаков, спускали им на веревках еду, а в ответ получали червонцы и кораллы⁵². Ну и всевозможные гайдамацкие клады, якобы зарытые по балкам в районе Ингульца⁵³.

При этом в некоторых случаях историческая память сохраняет для потомков события, которые почти не получили отражения в источниках. Например, в селе Алексеевка Елизаветградского уезда сохранялось

⁴⁶ Материалы... С. 320; Записки... С. 293. О Шелесте см.: Гермайзе 1924. С. 40-41.

⁴⁷ Ястребов 1885. С. 727.

⁴⁸ «пысака добрый був, да як удрав Золоту Грамоту! А Максим Зализняк прыхивав на поклоненье, а вин йому й пиднис: «Вельк свит Государыня вельит ризать Жыда й Ляха до ноги...». Украинские... 1847. С. 34; Записки... С. 149.

⁴⁹ Украинские... 1847. С. 38.

⁵⁰ Історичні пісні. 1961. С. 521.

⁵¹ Материалы... 1888.

⁵² Лазаревский 1901.

⁵³ Журин 1886. С. 758-760.

предание, что там располагался «зимовник богатого есаула Грицько Железняк», отца знаменитого Максима. Это предание, однако, получило подтверждение в архиве имения, где сохранилась купчая от Степана Железняк, продавшего свой зимовник⁵⁴.

Находит историческое подтверждение⁵⁵ и предание о Неживом, который «робыв колысь горшки у Артема Ганчара». Согласно народному преданию, Неживый был в Мотронинском лесу, оттуда пошел на Канев, «выризавши там ляхов и жыдив, повернув на квартиры до Чыгрына», где его поймали и казнили поляки⁵⁶. Соответствуют действительности и песни о том, как гайдамаки висели по разным селам, а поляки не разрешали родственникам их снимать⁵⁷. Герои народных песен про гайдамаков Микиту Швачку и Ивана Бондаренка, как теперь установлено, являются историческими фигурами⁵⁸.

Интересно, что в украинской исторической традиции палачами восстания предстают польская шляхта и донцы. При этом русская императрица Екатерина не рассматривается как виновница кровавого подавления Колиивщины. Наоборот, для исторической памяти характерны мифы о поддержке императрицей восставших. Например, в Сербах сохранялось предание, что «русское правительство, представители которого выдали Гонту полякам, противилось его казни... как только казнили Гонту... из Петербурга пришло такое письмо, чтобы его не убивать, а повезти в Петербург, какой он “рыцарь”. Но письмо это опоздало, не было уже кого везти в Петербург»⁵⁹.

Единственным, зато всемирно известным литературным произведением о гайдамаках является одноименная поэма Т.Г. Шевченко. На наш взгляд И. Шпитковский, исследовавший историческую составляющую поэмы, совершенно неверно называет ее «единственными своего рода мемуарами, встающими на сторону *коліїв*»⁶⁰. «Гайдамаки» Шевченко – это, безусловно, яркое отражение исторической памяти украинского народа о Колиивщине.

Поэт не случайно увлекся этой тематикой – все его детство прошло в окружении мест памяти гайдамаков и исторической памяти о нем. Главным, но не единственным, источником знаний Шевченко о Колиивщине был его родной дед, И.А. Шевченко, доживший до 88 лет и бывший свидетелем и участником гайдамацкого восстания.

Сам Т.Г. Шевченко в предисловии к своей поэме писал:

⁵⁴ Ястребов 1885. С. 725.

⁵⁵ Гермайзе 1924. С. 38-39.

⁵⁶ Украинские... 1847. С. 37-38. Записки... 1856. С. 278

⁵⁷ Історичні пісні 1961. С. 520, 530.

⁵⁸ Ibid. С. 522-528. Букет 2014; Гермайзе 1924. С. 38.

⁵⁹ Лазаревский 1901. С. 7.

⁶⁰ Шпитковский 1915.

Бувало, в неділю, закривши мінею,
По чарці з сусідом випивши тієї,
Батько діда просить, щоб той розказав
Про Коліївщину, як колись бувало,
Як Залізник, Гонта ляхів покарав.
Столітнії очі, як зорі, сяяли,
А слово за словом сміялось, лилось:
Як ляхи конали, як Сміла горіла.

Большое впечатление на будущего поэта произвела и его поездка в Мотронинский монастырь, где тогда еще сохранялись могилы многих *коліїв*. «Маленький Шевченко, в это время уже грамотный, прочитывал могильные надписи, удовлетворяя тем любопытство как свое собственное, так и других богомольцев. Меж последними немало нашлось хорошо помнивших покойников Мотронинского цвинтаря, и они тут же дополняли лаконичные надписи своими воспоминаниями о *коліях*»⁶¹. Детство Тараса прошло в районе, где происходила Колиивщина – на границе с каневским, уманским, таращанским, черкасским и чигиринским поветами. Еще ребенком он видел «золотой червонец» у сына того, кто по преданию получил его от Желязняка; лазал по «гайдамацким подвалам»; встречался с «гайдамакой Копием», который прятался в лесах и докучал семье Шевченко⁶². В поэме отражены эти воспоминания:

Розішли ся Гайдамаки,
Куди який знає,
Хто до дому, хто в діброву,
З ножем у халяві...

Было много обвинений в адрес Шевченко в том, что он выдумал эпизод зверской расправы поляков над млиевским титором. Сам поэт уверял, что в основу этого сюжета легли «оповіданє старих людей»:

І мені малому, нераз довелось
За титаря плакати. І ніхто не бачив,
Що мала дитина у куточку плаче.

Шпитковский обвинял Шевченко в том, что тот нарушил историческую достоверность, так как расправа над титором имела место за два года до Барской конфедерации – в конце марта 1766 г.⁶³ На самом деле для литературного произведения совершенно не важно соблюдение хронологии: этот трагический эпизод был всего лишь каплей, которая, в конечном счете, привела к Колиивщине, а Шевченко гениально использовал известное ему народное предание, чтобы изобразить драматизм событий, вызвавших восстание.

⁶¹ Лазаревский 1862. С. 1-10.

⁶² Шпитковский 1915. С. 49-52.

⁶³ Шпитковский 1915. С. 77.

Интересно, что историческая память Украины хранила предание о титоре (зачастую в фантастическом виде) – причем в некоторых вариантах приписывая его к событиям Колиивщины, а иногда – наоборот, сразу после нее. Например, есть рассказ, что титаря привезли в Млиев, «там його на верби повисили за руки, и усяк мордовалы: оце поноплямы обмотають, да смолоу обмажуть, да й запалять. А потим, замордовавшы, голову йому одрубалы». Но ночью кто-то выкрал голову и отвезли в Переяславль к епископу Геврасию⁶⁴. На самом деле Даниилу Кушниру, жителю Млиевскому, за упорство в православной вере, по настоянию униатского протопопа Гдышицкого, сначала сожгли руки, обмотав пенькой и облив смолой, а затем отрубили голову⁶⁵.

Подводя итог, можно согласиться с Й. Йерушалми, что в еврейской исторической памяти Колиивщина устойчиво влилась в шаблоны о страданиях этого народа, как в целом, так и конкретно на Украине. Память не сохранила ни особенностей, ни конкретных исторических лиц этих событий. Для польской исторической памяти Колиивщина это тоже прежде всего трагедия и пережитое насилие. Однако крайне негативное восприятие гайдамаков поляками трансформировалось в условиях вынужденного поиска союза с украинским крестьянством. Романтические мотивы «чудесных спасений» стали переплетаться с идеей «кары за грехи», а гайдамаки – представляться «мстителями за личные обиды». Наконец для украинской народной памяти характерно разделение гайдамаков на «разбойников» и «героев-запорожцев». Вся вина за подавление восстания в исторической памяти Украины возлагалась на поляков, а Екатерина II изображалась как сочувствовавшая гайдамакам.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Антонович В. Исследование о гайдамачестве по актам 1700-1768. Киев, 1876. 128 с. [Antonovich V. Issledovanie o gajdamachestve po aktam 1700-1768. Kiev, 1876. 128 s.]
Архив Юго-Западной России, изданный Временной комиссиею для разбора древних актов. Ч. I. Т. 2. К.: тип. Федорова, 1864 [Arkhyv Iugo-Zapadnoi Rossii, izdannyyi Vremennoi komissiei dlia razbora drevnikh aktov. Ch. I. T. 2. K.: tip. Fedorova, 1864]
Букет С. Иван Бондаренко. Останній полковник Колиівщини. Київ: Стікс, 2014. 318 с. [Buket S. Ivan Bondarenko. Ostaniiy polkovnik Koliivshchini. Kyiv: Stiks, 2014. 318 s.]
Гермайзе О. Колиівщина в світлі ново-знайдених матеріалів. // Україна, 1924. К. 1-2. С. 19-81. [Germajze O. Koliivshchyna v svitli novo-znajdenykh materijaliv. // Ukraïna, 1924. K. 1-2. S. 19-81]
Голобущкий В.О. Запорізька Січ в останні часи свого існування. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1961. 416 с. [Golobuc'kij V.O. Zaporiz'ka Sich v ostanni chasi svogo isnuvannya. Kyiv: Vidavnictvo Akademii nauk Ukrain'skoi RSR, 1961. 416 s.]
Дядиченко В.А. Антифеодальні повстання в Росії і на Україні в XVII–XVIII ст. К., 1954 [Dyadichenko V.A. Antifeodal'ni povstannya v Rosii i na Ukraïni v XVII–XVIII. K., 1954]

⁶⁴ Украинские... 1847. С. 39. Фундукля – что вскоре после Колиивщины. Материалы... С. 316-318.

⁶⁵ Об этом чудовищном эпизоде 29 июля 1766 г. свидетельствует запись «в кафедре Переяславской». Страдание и мучение... 1860. С. 40-56; Архив 1864. С. 393-401.

- Журин Г. Из рассказов о запорожцах и гайдамаках. // Киевская старина. 1886. № 8. С. 758-760 [Zhurin G. Iz rasskazov o zaporozhtsakh i gaidamakakh. // Kievskaiia starina. 1886. № 8. S. 758-760]
- Записки о Южной Руси. // изд. П. Кулиш. Записки о Южной Руси. Т. 1. СПб.: Тип. А. Яковлева. 1856. 322 с. [Zapiski o Iuzhnoi Rusi. // izd. P. Kulish. Zapiski o Iuzhnoi Rusi. T. 1. SPb.: Tip. A. Iakovleva. 1856. 322 s.]
- Йерушальми Йосеф Хаим, Захор. Еврейская история и еврейская память. М.: Мосты культуры., 2004. 168 с. [Ierushalmi Iosef Khaim, Zakhor. Evreiskaia istoriia i evreiskaia pamiat'. M.: Mosty kul'tury., 2004. 168 s.]
- Історичні пісні. Київ: Видавництво Академії наук, 1961. 1067 с. [Istorychni pisni. Kyi'v: Vydavnyctvo Akademii' nauk, 1961. 1067 s.]
- Кандель Ф. Евреи России. Времена и события. М.: Мосты культуры, 2014. 800 с. [Kandel' F. Evrei Rossii. Vremena i sobytia. M.: Mosty kul'tury, 2014. 800 s.]
- Кандель Ф. Книга времен событий. 1 История российских евреев. М.: Мосты культуры-Иерусалим: Гешарим. 2002. 470 с. [Kandel' F. Kniga vremen sobytii. 1 Istoriia rossiiskikh evreev. M.: Mosty kul'tury-Ierusaliv: Gesharim. 2002. 470 s.]
- Ковалевська О.О., Проблема іконографії І. Гонті в контексті політик пам'яті та сучасних досліджень. // Український історичний журнал. 2016. N 5. С. 139-163. [Kovalevs'ka O.O., Problema ikonografii' I. Gonty v konteksti polityk pam'jati ta suchasnyh doslidzhen'. // Ukraïns'kyj istorychnyj zhurnal. 2016. N 5. S. 139-163.]
- Лазаревский А.М. Материалы для биографии Т.Г. Шевченка. // Основа, 1862. № 3. С. 1-10. [Lazarevskii A.M. Materialy dlia biografii T.G. Shevchenka. // Osnova, 1862. № 3. S. 1-10.]
- Лазаревский А.М. Остатки предания о Гонте. // КС, 1901. № 7/8. Отд. 2. С. 6. [Lazarevskii A.M. Ostatki predaniia o Gonte. // KS, 1901. № 7/8. Otd. 2. S. 6.]
- Магочій П.Р. Україна. Історія її земель та народів. Ужгород: тип. В. Падяка, 2012. 790 с. [Magochij P.R. Ukraïna. Istoriia ii' zemel' ta narodiv. Uzhgorod: typ. V. Padjaka, 2012. 790 s.]
- Материалы для истории гайдамачины. // Киевская старина. 1888. Кн. 11. С. 307-325. [Materialy dlia istorii gaidamachiny. // Kievskaiia starina. 1888. Кн. 11. S. 307-325.]
- Мордовцев Д.Л. Гайдамачина. Санкт-Петербург, 1884. 345 с. [Mordovcev D.L. Gaidamachina. Sankt-Peterburg, 1884. 345 s.]
- Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского, составленная из подлинных документов запорожского сечевого архива. Т.1 Одесса, 1885. 320 с. [Skal'kovskij A.A. Istoriya Novoj Sechi ili poslednego Kosha Zaporozhskogo, sostavlen'naya iz podlinnykh dokumentov zaporozhskogo sechevogo arhiva. T. 1 Odessa, 1885. 320 s.]
- Страдание и мучение за православие Даниила Кушнера, жителя Млиевского. // Руководство для сельских пастырей. 1860, № 2. С. 40-56 [Stradanie i muchenie za pravoslavie Daniila Kushnira, zhitelia Mlievskogo. // Rukovodstvo dlia sel'skikh pastyrei. 1860, № 2. S. 40-56]
- Украинские народные предания. // Собрал П. Кулиш. Кн. 1. М.: Университетская типография, 1847. 91 с. [Ukrainskie narodnye predaniia. // Sobral P. Kulish. Kn. 1. M.: Universitetskaia tipografiia, 1847. 91 s.]
- Франко І. Польська поема про уманську різню. // Записки наукового товариства ім. Шевченка, 1904. N LXII. С. 1-40. [Franko I. Pol's'ka poema pro umans'ku riznju. // Zapysky naukovoogo tovarystva im. Shevchenka, 1904. N LXII. S. 1-40.]
- Шпитковський І. «Гайдамаки» Шевченка, як пам'ятка Коліївщини. // Збірник пам'яті Тараса Шевченка. Київ: Друк. 2-ї Артїлі, 1915. С. 48-82. [Shpytkovs'kyj I. «Gajdamaky» Shevchenka, jak pam'jatka Koliivshchyny. // Zbirnyk pamjaty Tarasa Shevchenka. Kyi'v: Druk. 2-i' Arti'ly, 1915. S. 48-82.]
- Шульгин Я. Очерк Коливщини по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших годов. Киев, 1890. 209 с. [Shul'gin Ia. Ocherk Koliivshchiny po neizdannym i izdannym dokumentam 1768 i blizhajshih godov. Kiev, 1890. 209 s.]
- Щурат Василь. Коліївщина в польській літературі до 1841 р. // Записки наукового товариства ім. Шевченка, 1910, № XCVII. С. 86-104 [Shhurat V. Koliivshchyna v pol's'kij literaturi do 1841 r. // Zapysky naukovoogo tovarystva im. Shevchenka, 1910, № XCVII. S. 86-104]
- Ястребов В. В запорожском захолустье // Киевская старина. 1885. № 12. 721-729. [Iastrebov V. V zaporozhskom zakholust'e // Kievskaiia starina. 1885. № 12. 721-729]

- Bernfeld, Shim'on. *Sefer hadema'ot: Me'ora'ot hazezerot veharedifot vehashemadot* [The Book of Tears: Events, Decrees, Persecutions and Mass Murders], vol. 3. Berlin, 1926.
- Bunt hajdamaków na Ukrainie r. 1768 opisanż przez Lippomana i dwóch bezimiennych. Wyd. E-Raxzyński. Poynan, 1854.
- Czajkowski M., Wenyhora wieszcz ukraiński. Paryż: Bourgogne et Martinet, 1838. 218 c.
- Dubnow, Shimon. "Der tsvayter khurbn fun Ukrayne (1768): Di folks-khronik 'Mayse gedolah min Uman umin Ukrayne,'" [The Second Destruction in Ukraine (1768): The Folk Chronicle 'A Terrible Deed in Uman and Ukraine] *YIVO Historishe Shriftn* 1 (1929), 29-54.
- Goszczyński S., Zamek kaniowski. Warszawa, тип Варшавского университета, 1828. 158 c.
- Groza A., Pierwsza pokuta Żelizniaka. // Poezye Aleksandra Grozy. T. II. Wilno: тип. J.Zawadzkiego, 1843. 203 c.
- Groza A., Śmieciński. Powieść szlachecko-ukraińska, Żytomierz: тип. J.Hussarowskiego, 1860. 234 c.
- Jaszowski Stanisław Lubicz, Hajdamacy. // Zabawki rymotwórcę. Lwów: тип. P. Fillera. T. 3. 1826. C. 75-105.
- Kamiński Marek, Robert Śniegocki. Historia od renesansu do czasów napoleońskich. Cz. I. Wyd. 4. Warszawa, 2006. 320 c.
- Konopczyński W. Dzieje Polski nowożytnej. T. 2. Warszawa: Pax, 1986. 339 c.
- Krebs W. Opis rzezi humańskiej przez córkę gubernatora Humania, Mładanowiczównę, zameżną Krebsową. Poznań, 1840. 35 c.
- Osherowitsch M., Shtet un shtetlekh in Ukraine un in andere tayln fun Rusland. Vol. II. New York: M.Oberowitch Yubilai-Komitet 1948. 110 c.
- Pamiętniki Jana Dukłana Ochockiego. T. I. Wilno: тип. Józefa Zawadzkiego, 1857. 444 c. [Mładanowicz P.] Rzeź humańska czyli historia rewolucji przez Żeleźniaka i Gonę: napisana rzetelnie wiernie, dokładnie przez znajdującego się w tejże okropnej rewolucji // Z dziejów hajdamaczyzny.- oprac. H. Mościcki.- T. I, Warszawa-Kraków: Gebethner i Wolf, G. Gebethner i Spółka, 1905. 120 c.
- Plokhly Serhii, The Gates of Europe: A History of Ukraine. N.Y.: Basic Books, 2015. 395 c.
- Serczek Władysław, Koliszczyzna, Kraków, 1968. 175 c.
- Siemieński Lucjan Hipolit, Wieś Serby. // Rozmaitość, Lwów, 1835: 17-18.
- Skinner B. The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in the 18th-century Poland, Ukraine, Belarus and Russia. Northern Illinois: U.P., 2009. 295 p.
- Suchorowski Michal. Wanda Potocka czyli schronienie w lasku ś. Sofji. Lwow: тип. Piotra Pillera, 1832. 72 c.
- YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe // <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Uman>
- Witwicki S. Sługa i pan. // Ballady i romanse, Warszawa: тип. Szkolna, 1824. T. 1. C. 83-96.

Таирова Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры Истории народов стран СНГ, Институт истории СПбГУ, tairovayak@mail.ru, t.tairova@spbu.ru

Koliivshchyna in the Historical Memory

The article raises questions of the historical memory and the places of memory of the Jewish, Polish and Ukrainian people, associated with the events of Koliivshchyna – the Hajdamak uprising at the Right-Bank Ukraine in 1768. The author examines the reflections of these events in literature, prayers, stories, historical songs. It is concluded that the three peoples had not only different perception of the events, but also different places of memory and different heroes. Despite the fantastic nature of many legends, some of them have the historical value being confirmed by documents.

Keywords: historical memory, places of memory. Koliivshchyna, hajdamaks, traditions, historical songs

Tatiana Tairova, Doctor of History, Professor, Department of History, St. Petersburg State University; tairovayak@mail.ru, t.tairova@spbu.ru